Юрский Сергей Юрьевич

26.5.2000.

Независимая газета. –

ПОДМОСТКИ

НАЙТИ ЕСТЕСТВЕННОСТЬ В АБСУРДЕ

«Я поклоняюсь системе Станиславского в изложении Михаила Чехова», – говорит Сергей Юрский

Сергей Шаповал

– СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ, поздравляю вас с прошедшим 65-летием. Вы говорили, что скептически относитесь к юбилеям, а что для вас значит день рождения вообще?

– Прежде всего, это день поминовения моих родителей... Иногда я вынужден был устраивать застолья, например, на 50-летие. Я вел тогда довольно активную общественную деятельность и поэтому был вынужден устроить прием на несколько сотен человек в Доме актера. А в общём в этот период я всегда активно работаю, всегда плохо физически себя чувствую, если и принимаю, то очень небольшое количество близких мне людей. В этом году в день рождения я репетировал в новом спектакле, потом провел юбилейный вечер моего дорогого Михаила Абрамовича Швейцера в Доме кино, а потом собрал близких людей, несколько человек приехали издалека, чтобы меня повидать.

Вообще говоря, я разлюбил общество. Наверное, устал, мне слишком много приходилось бывать в нем. Публичный образ жизни я веду на сцене, сейчас мне этого вполне хватает. Я уже не могу сидеть за столом. Русское общение в связи с устройством наших квартир означает застолье, а оно стало для меня работой более тяжелой, чем спектакль. Другое дело – спонтанное застолье с братьями по профессии, когда, скажем, после спектакля мы отмечаем наши успехи или неудачи. Мы знаем, что нас объединяет, за такими посиделками стоит желание чуть дольше побыть вместе.

– 2000 год – общая круглая дата, подталкивающая к подведению итогов и в личной жизни, и в жизни страны. С чем, по-вашему, пришла к этому рубежу Россия?

– Я думаю, что мы забрели сразу во множество тупиков. Пока что мне не очень ясно, рискнет ли кто-нибудь либо выводить из этих тупиков, либо прошибать стену и из тупика делать туннель. Это тревожит. А начинать нужно с осознания, где и как мы оказались.

Широко распространена точка зрения, что наши предки замечательно жили, потом вдруг из Германии приехали наши революционеры, устроили переворот и завели нас в дебри. Потом был сталинский террор – тупик, потом застой – еще один тупик, а теперь – тупик демократический. Разумеется, существует вина тех, кто вел, но виноваты и те, кого вели. В нашем обществе не нашлось сил, противостоящих конкретному злу, все время у нас поддерживались все социальные эксперименты, потом поднимался крик: вы не туда вели! Причем кричат только тогда, когда власть уже ослаблена...

Вернусь к сегодняшним тупикам. Об экономическом много говорят специалисты, разобраться трудно. Но в данном случае важно, что он отражается на всех видах деятельности, на обыденной жизни людей. Не могу сказать, что я лично обеднел, я не разбогател, но и не обеднел. Пребываю в том среднестатистическом состоянии, которое при моих небольших потребностях позволяет жить. Но вокруг меня обеднело очень много людей, и потом я не слепой: нет мусорного бака, возле которого не стоял бы человек. Я много езжу, это касается всей России.

Важнейшим, по-моему, сейчас является тупик экологический. В широком смысле. Грязь и мусор, в которые погружена наша страна, просто ужасны. Лучше пользоваться самолетом, в аэропортах в основном значительно улучшились залы ожидания, они перестали быть похожими на концлагерные помещения. Но если ты едешь поездом, лучше не смотри в окно, потому что ты едешь по мусору. Сотни, тысячи километров – все по мусору! Такой же мусор и в головах людей. Ужасно убеждение: были бы деньги в кармане, а мусор как-нибудь соберем. Можем дождаться момента, что уже не соберем.

– А в области искусства?

– Проявлением экологического тупика для меня выступает безумие музыки. Тот агрессивный стиль, в котором существует современная музыка, просто пугает. Сложилась огромная индустрия, которая эту музыку навязывает. Если раньше молодые спрашивали друг друга о том, кто что читал или видел в кино, сейчас вопрос один: ты за какую группу? Это даже важнее симпатии к той или иной футбольной команде.

Вращается гигантская машина: каждую неделю выстраиваются рейтинги, мелькают цифры тиражей и гонораров, совершенно не важно, что одна группа похожа на другую, постоянно вдалбливаются новые названия. Молодежь учит английский язык через в основном примитивные и бессмысленные тексты песен. Из большинства машин доносятся бухающие механические ритмы. Агрессия этой музыки уже вошла в плоть и кровь нашей жизни.

Я вовсе не призываю ее запретить и заставить всех слушать, скажем, Шопена. Я констатирую факт. Если ты садишься в машину и просишь водителя выключить музыку, он, во-первых, искренне удивляется такой просьбе, а во-вторых, он становится не то чтобы враждебным, но, по крайней мере, видит в тебе чужака. Это, конечно, тупик духовной жизни.

– На эту проблему можно посмотреть с другой стороны: музыка Бетховена была агрессивной по сравнению с музыкой Вивальди, музыка Шенберга агрессивна по сравнению с музыкой Бетховена и т.д., мы находимся на новом витке.

– Категорически не согласен. Спираль – это движение либо вверх, либо вниз, а не вращение на одном месте. Конечно, все уже было. Думаю, и в Древнем Китае была агрессивная музыка. Можно у римских историков найти описания реалий сегодняшнего дня. Можно обойтись и без римских историков – достаточно взять Библию. Станет ясно, что там уже описаны самые чудовищные вещи, которые кажутся изобретением сегодняшнего дня...

Недавно я узнал о теории, которая поразила меня своим ужасом, тем не менее она демонстрирует вполне вероятный вариант развития. Ее смысл сводится к следующему: вовсе не труд сделал человека человеком, развил его интеллект и возвысил до царя природы, а... людоедство. Человек был единственным существом, способным пожирать себе подобных. В XX веке это происходило в случаях большого голода или в диких племенах, людоедства в буквальном виде нет в цивилизованных обществах, к которым я отношу и мою страну. Но произошло замещение людоедства распространившимся убеждением, что жизнь мне подобного не стоит ничего, ценно только мое существование. Чтобы ощутить это, достаточно задуматься, сколько людей в нашей стране уничтожало себе подобных по приказу вождя, сколько охраняло лагеря! Сколько было исполнителей, это же людоеды!

Довлатов, как известно, побывал в охранниках, по-настоящему ужаснулся и стал на этом большим писателем. А сколько сегодня киллеров, сколько людей запросто готовы к чудовищным преступлениям по уничтожению себе подобных! Если это не те, кто стреляет, то это люди, которые были описаны Булгаковым в «Мастере и Маргарите» в виде критиков. Они содействовали уничтожению людей, они испытывали от этого удовольствие, они обычные садисты! Сублимация людоедства, тотальная варваризация общества для меня один из чудовищных тупиков, в который попала моя страна. Впрочем, это относится ко всему миру, если судить по новостям, которые нам приносит пресса.

– Нас долго учили, что человек – это звучит гордо. Что вы скажете на этот счет?

– Я бы сказал так: отдельный человек – это звучит гордо. Иногда... Горьковская фраза замечательна, пьеса, по-моему, потрясающа. Это выстраданная фраза, это не лозунг над каким-нибудь учреждением. Стоит ее вывесить в таком качестве, это будет похоже на знаменитые гитлеровские лозунги «Каждому – свое» и «Работа делает свободным». Но в пьесе эту фразу произносит человек, совершивший преступление, отсидевший в тюрьме и оказавшийся на дне жизни, он обращается к таким же, как и он сам. Тут принципиально важен контекст.

– Можно ли сказать, что вы устали от людей?

– Нет. Я устал от пустословия. Думаю, такого рода усталость присуща довольно широкому слою общества, проявляется в этом и возраст. С этих сяов, кстати, начинается знаменитый фильм Бергмана «Земляничная поляна». Я, как и герой фильма, не мизантроп, мне надоели пустопорожняя болтовня и бодрячество: главное дружить, мы вместе со школьной скамьи и так далее! Здесь очень много фальши и пьянства.

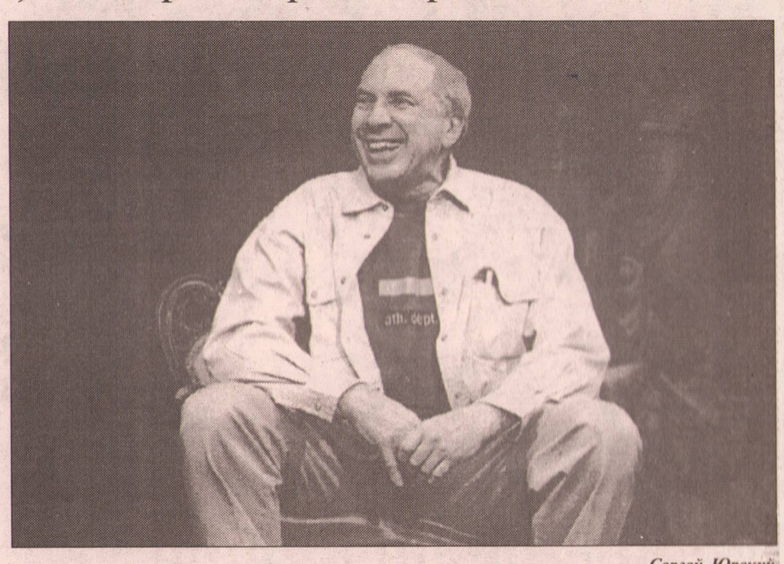
У меня есть близкие люди, мы пишем друг другу по письму в год, еще реже видимся, тем не менее это нормальное общение. Известная реклама предлагает: надо чаще встречаться. Кому-то – может быть, мне чаще не надо.

– У Сомерсета Моэма было рассуждение об актерах, он говорил, что в этой профессии есть нечто дьявольское, человек, который прожил много других жизней, пропустил через себя массу чужих судеб, в результате лишается собственной индивидуальности. Как вы к этому относитесь?

– Актер, согласно определению Стреллера, должен быть пустой трубкой, в которую свистит режиссер. Но так как свистуны стали невыносимо властными и высвистывают какие-то странные мелодии, актеру иногда приходится отказываться от участи трубки и самому становиться музыкантом. Есть другое определение актерства и пребывания на сцене, принадлежащее Гротовскому: сцена – это то место, где наконец можно не играть. Она столь же серьезна, как и та, которую вы воспроизвели.

Мир сейчас резко изменился, актерствование, превращение человека в трубку, в которую дует другой, стало принадлежностью всего человечества. Прежде всего тех, кто судит актеров, актеры сейчас в гораздо меньшей степени этому подвержены, чем люди, занимающиеся публичной деятельностью. Чего только стоит словечко «имидж»! Это означает, что человек выбирает некую роль, к тому же кем-то созданную. Люди серьезно об этом говорят, более того – осуществляют это! «Он сменил имидж», – это означает, что человек сознательно притворяется кем-то с корыстными целями.

Сергей Юрский родился в 1935 году в Ленинграде. Школу окончил с золотой медалью. В 1952 году поступил на юридический факультет Ленинградского университета, с третьего курса ушел в театральный институт, который окончил с отличием в 1959 году. С 1957 года стал работать в Большом драматическом театре имени Горького, сыграл более сорока заметных ролей. В 1977 году переехал в Москву, с того момента и по сей день работает в Театре имени Моссовета. Параллельно играет в спектаклях театров МХАТ, Школа современной пьесы, принимает участие в антрепризах. Народный артист России.



Сергей Юрский.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

В спектакле «Провокация» (Школа современной пьесы)
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

Искусство по сути своей бескорыстно, актерская игра – дело бескорыстное. Профессиональному актеру, разумеется, платят, чтобы он не умер, но в принципе это дело бескорыстное.

– У вас есть критерий, на основании которого вы определяете, хорош актер или плох?

– Есть некий сантиметр, который прикладываешь и видишь, подошло или нет. В искусстве работает не один критерий, а сложный комплекс свойств, которые должны быть присущи человеку в связи с данным материалом и временем. Надеюсь, я научился различать, хорошо ли человек играет, впрочем, у представителя другого поколения может быть обратная точка зрения. Разумеется, есть набор качеств, связанных с тем, как актер умеет говорить, запоминать, фиксировать уже сделанное, может ли он в краткие сроки сделать то, на что обычному человеку потребуется гораздо более продолжительное время. Все это входит в понятие таланта.

– Как бы вы охарактеризовали сегодняшнее состояние нашего театра?

– Главное, что он существует. В отличие от кино: в конце разговоров о кино все еще ставится вопросительный знак. У нас появляется некоторое количество фильмов, но это пунктир, а кино требует потока. От этого происходят казусы. Фестивалей в России такое же количество, как и в западных странах, однако на наших вращаются одни и те же фильмы. На одном фестивале фильму дают приз за режиссуру, на другом этой же картине – приз за сценарий, и так по кругу по всем номинациям. Это просто комедия.

С уверенностью можно сказать, что театр существует, потому что в театр ходят зрители. Кроме того, в театрах то и дело возникают спектакли, содействующие обновлению театрального языка, что очень важно. Конечно, в море средних или совсем неудачных произведений такие вещи стоят особняком, но стоят они на твердой основе. Выпускается громадное количество спектаклей, а это свидетельство бурной театральной жизни.

Вот вам пример. За последний месяц я побывал на двух театральных фестивалях. Первый был в Тольятти, он собрал около двадцати театров, в том числе с Украины и Белоруссии. Причем это были большие театры, которые играли большие спектакли. Зал был переполнен, были действительно качественные спектакли и нормальная фестивальная атмосфера. А недавно я побывал в подмосковном городке Лобня и к своему полному изумлению обнаружил там маленький театр, который проводил фестиваль русской классики. К ним приехали качественные театры, битком набитый зал, очень классная публика.

Говорю об этом с уверенностью, потому что я выступил с очень сложным моноспектаклем, требующим от зрителей большого сотрудничества. Причем это не фестиваль ради престижа администрации города, у них постоянно работающий театр, ставятся спектакли, ходят зрители. Такой же маленький театр недавно появился в городе Долгопрудном. В былые времена такое даже представить себе было очень трудно.

– А как вы относитесь к разговорам о кризисе театра? Российский театр обвиняют в сохраняющейся литературоцентричности, бесконечных постановках классики, отсутствии поисков новых форм и т.д.

– Отвечу конкретно. Играю ли я сам современную драматургию? Недавно я выпустил спектакль «Провокация», если критика говорит о том, что ей не хватает новых форм и современных пьес, то вот – пожалуйста. А что в результате? Те же критики накинулись на меня, как голодные волки! Перед этим я сделал спектакль «Железный класс», это современная итальянская пьеса на сегодняшнюю тему. Перед этим был спектакль «После репетиции» по Ингмару Бергману, а до этого был Ионеско. Среди этого я поставил своих любимых Островского и Ибсена, они составляют лишь некоторый процент в моих работах последнего времени.

Могу сказать и о том, что я вижу. В месиве премьер, которых только в Москве проходит около тысячи в год, есть и классика, и идущие пачками спектакли (сразу выходит две постановки «Венецианского купца», не самой сильной шекспировской пьесы, я уж не говорю про «Вишневые сады», «Чайки», выходящие просто обоймами), но существует и серьезный поиск новых форм. Что касается литературности театра. Могу сказать со всей определенностью, что сохранение театра, стоящего на драматической литературе, есть одно из величайших достижений русской нации. Говорить «Когда же это кончится!» – то же самое, что при уборке квартиры во имя большего простора выбрасывать фамильные вещи и драгоценности. Абсурд! Это национальное достижение, которое по-прежнему очень нужно нашим людям!

Вы скажете: вы человек пожилой, не замечаете необходимости перемен и пр. Тогда у меня возникнет вопрос: а почему вы пришли ко мне за интервью? Отвечу: вас должно удивлять, что вот уже более сорока лет я в одиночку или со своими коллегами способен собирать тысячный зрительный зал примерно сто раз в год. Такое количество людей я приглашаю, и они приходят из года в год. Это мое общение, я знаю, в чем мы сходимся и в чем расходимся, что нужно делать, чтобы наладить общение. Рискну предположить, что мне это известно лучше, чем людям, пишущим о театре. Им все уже понятно, они хотят от тебя добиться одного: надо быть попроще, чтобы всем было понятно. Это приводит к одному – все превращается в штамп. Все статьи и интервью похожи друг на друга, уже все разоблачения похожи друг на друга.

Кончится ли это когда-нибудь? Нет. Общество все больше пронизывают штампованные отношения. Кончилось ли наше общество? Нет. Я восхищен нашим зрителем, я ему низко кланяюсь и делаю это от всей души!

– Вы, кажется, не любите журналистов.

– Почему же? Все дело в кризисе. Я могу рассказать об актерском кризисе, несмотря на то что мы наблюдаем в театре все признаки подъема: в театр ходят, он может назначать высокие цены на билеты – все равно ходят, он может играть спектакли в неудобное время, как это происходит на «Золотой маске» – все равно ходят. О каком кризисе можно говорить? Однако мы еще не осознали серьезности падения актерского уровня. Разговоры о том, что нужно уходить от театра, основанного на драматургии, что нужно искать новые формы с привлечением пластических искусств, кто-то считает, что показательные выступления бойцов ОМОНа – это театр, их можно без проблем выводить на сцену... Кто-то ратует за усиление натурализма и так далее – все это, с моей точки зрения, проявления серьезного кризиса. Умение вести диалог становится большой редкостью, а уж держать монолог без музыки, без воплей способны единицы. Со словом у нас очень плохо, слову не верят ни зрители, ни актеры. Исключения, конечно, есть, на них вся надежда...

Такой же кризис поразил, по-моему, и журналистику. Я с любопытством читаю газеты, часто попадаются необыкновенно талантливые статьи на самые разные темы, что очень радует. Есть ли у журналистики проблема тупика? Есть. Например, один замечательный журналист собственное раздражение превратил в стиль, через раздражение идут и мысль, и хлесткость, и ирония. Тут же появились подражатели, чтобы держаться в рамках этой формы, им приходится делать вид, что все их ужасно раздражает. Извините за выражение, имидж у них такой! Это спокойно живущие и раздраженно пишущие люди.

– Меня давно занимает, почему театральные деятели так серьезно относятся к театральным критикам, страшно обижаются или стремятся дружить с ними? Это порождает в среде критиков повышенную самоуверенность, они чувствуют себя – и не без оснований – влиятельными людьми, один объект они будут «мочить», другой – в упор не замечать, третий – хвалить, потому что так сейчас нужно, и прочее.

– Почему на критиков обижаются актеры? Предположим, художник создал картину, выставил ее, появляется критик, который начинает высокомерно разносить ее в пух и прах. Это, разумеется, очень обидно. Но художник, фигурально выражаясь, стоит за колонной и наблюдает, как ругают его детище. В нашем случае объектом критики выступает сам актер, предмет критики содержится в нем самом. После всякой критики ему снова нужно выходить на сцену и проживать роль. Поэтому когда говорится о его недостатках, это куда ни шло, а вот когда его зачеркивают, когда над ним издеваются – это садизм!

К сожалению, второй тип критики у нас очень распространен. Актеры на нее реагируют просто: они подтираются такой прессой! Так что пусть критики критикуют, а актеры пусть играют. Дело, думаю, еще и в том, что актеры безгласны, они не могут ответить недобросовестному критику. Я занимаюсь еще и литературным трудом, поэтому могу иногда ответить. А отвечать им надо, нельзя позволять унижать себя. Пушкин дает нам пример, на который нужно ориентироваться. Он всегда отвечал на критику, очень сильно, корректно, не очень результативно, но отвечал.

– В свое время нашумела статья писателя Виктора Ерофеева «Место критики», он определил критиков в лакейскую, присвоив писателю статус барина...

– Есть другая крайность: критика – это пар над супом. Могу заметить, что без супа не будет никакого пара. Я считаю, что критики нужны, я хотел бы их уважать, но должен констатировать: у нас театральная критика почти исчезла.

– Какова, по-вашему, судьба системы Станиславского и реалистического театра в целом? Он действительно, как о том говорят многие, погиб?

– Театр – понятие сложное, но одна из его сторон забываться, по-моему, не должна. Искусство отражает жизнь, драматический театр – это искусство в формах самой жизни. Это известное определение, действительно так оно и есть. В древней трагедии все преувеличено, трудно определить, так ли люди общались, насколько вообще детали соответствуют действительности, но все-таки мы понимаем, что там присутствуют мать, отец, сын, друг, недруг, любовница и так далее – субъекты общения, принадлежащие к определенным социальным слоям и находящиеся в определенных взаимоотношениях.

Появление абстрактной живописи стало очень серьезным этапом, о котором нужно разговаривать отдельно. Не менее серьезным фактом в истории искусства стало возникновение конкретной музыки, я имею в виду музыку Шенберга, опыты Эдисона Денисова, в меньшей степени Альфреда Шнитке, потому что он гениально соединял поиск нового и потрясающее владение традициями. Оба эти феномена породили массу явлений, о которых никто не имел даже представления. Многие из этих явлений со временем развились настолько, что стали пожирать своих родителей. Абстрактная живопись во многом является прародительницей рекламы; весьма элитарная музыка, требующая особой концентрации слушателя, участвовала в создании сверхупрощенной современной музыки, которая может производиться машиной.

Что происходит с театром? Театр периодически занимает ведущее место среди искусств, так, кстати, было в период Станиславского – и художники, и композиторы очень много черпали из достижений театра. Бывают времена, когда театр активно черпает из достижений других искусств. Сейчас именно такой этап. Действующий в реалистическом театре герой, то есть герой, о котором известно, что это человек определенной профессии, национальности, возраста и так далее, уступил место на сцене некоей запятой, которая некоторым образом соотносится с другой запятой или, скажем, многоточием. Много абстрактного балета – неких движений, выражающих некие состояния без всякой конкретизации. Все это относится к уже упомянутому принижению или даже уничтожению слова.

Конечно, система Станиславского и реалистический театр в данный момент проиграли. Наша театральная школа поклоняется Станиславскому лишь формально, драматические артисты гораздо лучше двигаются, чем говорят. Победила мейерхольдовская тенденция. Если Станиславский говорил о том, что талант в себе нужно воспитывать, что это большой труд на всю жизнь, то Мейерхольд считал, что научить можно любого, для этого нужен не талант, а определенная подготовленность. Сейчас в основном развивается именно это направление.

– И что получается в итоге?

– Довольно разнообразные и, на мой взгляд, часто вымученные формальные поиски. Все меньше и меньше опытов театра, в котором господствует слово без поддержки музыки и движения. Я их делаю постоянно. Если вы спросите, кому я поклоняюсь, я отвечу: системе Станиславского в изложении Михаила Чехова. Именно Чехов и такие его ученики, как недавно скончавшийся американский профессор театрального искусства Георгий Жданов, определяют мою сценическую жизнь.

А куда же подевалась система Станиславского? Она ушла в американское кино! Именно естественности желал Станиславский, и именно ее потерял нынешний русский театр. Сегодня играют неестественно, более того, это стали ценить – чем немотивированнее, чем неоправданнее игра, тем лучше!

Я стараюсь даже в абсурде, который считаю сильнейшим инструментом, найти естественность, по-моему, это взрывчатая смесь. Вот какова судьба системы Станиславского! Вот почему весь мир с таким вниманием смотрит американские фильмы! Разумно ли так разбрасывать национальные достижения?

– Для искусства крайне важна проблема героя. Как вы себе представляете героя нашего времени?

– У нас был герой войны, очень романтизированный, например, из фильма «Подвиг разведчика» и его аналогов в литературе. Был герой – великий человек. Это литературно обработанные образы Пушкина, Глинки, Грибоедова и так далее, равнение было на великих. Был герой труда, о нем появились даже неплохие произведения. Был герой, осознающий, что не все в порядке, типа «хочу быть честным».

И наконец появился герой, который понял безвыходность своего положения. В качестве рифмы выступала знаменитая фраза Хемингуэя: «Победитель не получает ничего». Он не может ничего изменить, ему остается только терпеть. Это был последний герой, связанный главным образом с диссидентскими временами. Театры ставили западные пьесы, иногда такие пьесы появлялись и у нас, рассказывалось там о грустных людях, сохраняющих свою честность. После этого герой исчез.

– А что происходит сегодня с героем?

– Сейчас, если посидеть перед телевизором, станет ясно, что герой, во-первых, должен убивать, причем как можно больше, во-вторых, он должен находиться над моралью. Герой ли это? Думаю, что нет. По-моему, время сейчас безгеройное, я не могу и не хочу признать кровавого героя. В этом смысле сегодняшняя ситуация напоминает поиски героя в гоголевском «Ревизоре». Должны появиться некие люди, которые сумеют по-настоящему иронично взглянуть на происходящее и позвать людей выглянуть наружу.

Главенствующая тенденция нашего общества – колоссальное давление: не высовывайся! Нам как бы говорят: мы сделаем так, чтобы вам не казалось, что это тюрьма, мы покрасим стены, будет много света и музыки, но одно условие – сиди тихо! У меня подозрение, что движение стало самодостаточным, что хозяева жизни сделались такими же подчиненными, как и остальные, они тоже не могут высунуться наружу. Единственный, кто мог бы это сделать, – художник. При помощи иронии, пронзительной мысли или естественного чувства он сумеет вырваться из этого замкнутого пространства. Такой художник и будет героем.

– Как вы оцениваете творчество Иосифа Бродского, чей юбилей сейчас отмечают?

– Бродский был чудовищно мрачным поэтом, избравшим главным объектом исследования смерть, рассматривавшим жизнь только как границу перед смертью. Он мог оглядывать на все, в том числе и на себя, как на муху, которая осенью заканчивает свою жизнь.

Он был действительно великим поэтом.

Он был героем.

– По поводу вашей литературной деятельности хочу задать совсем простой вопрос: зачем вы пишете?

– Странный вопрос... Я профессионал. При моей основной актерской профессии у меня бывают только небольшие периоды, когда я имею возможность отдаться писанию. Тем не менее я не могу считать себя любителем, потому что издал шесть книг, а написал еще больше.

– Казалось бы, актерство должно позволять человеку, тем более работающему так активно, как это делаете вы, самовыразиться в полной мере, тем не менее вы досуг посвящаете писанию...

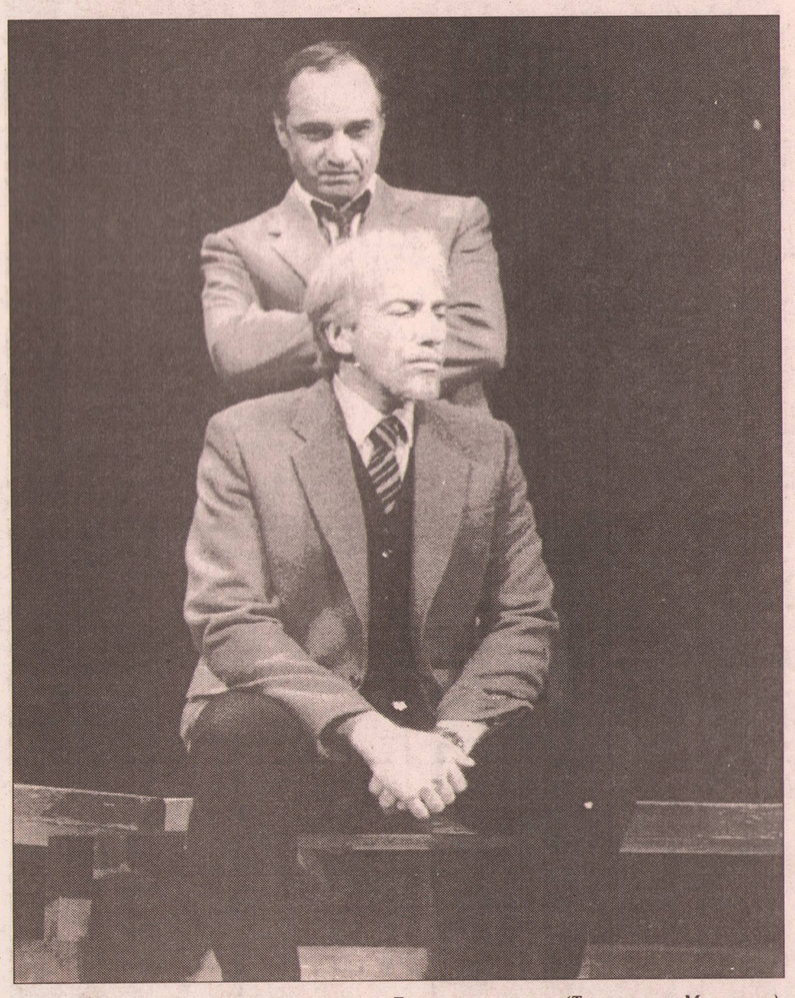
– Конечно, можно было бы посвящать свой досуг, скажем, охоте, но мне это занятие не нравится. А писание нравится. Не спрашивают же рыболовов: почему вы ловите рыбу? Вы что не можете ее купить в магазине? Наверное, я пишу потому же, почему эти люди ловят рыбу.

– Как бы вы себя определили: как человека скорее мрачного и пессимистичного или как веселого и оптимистичного?

– Пожалуй, первое. Я очень люблю и ценю юмор и смех, люблю, чтобы было весело. Я не вступал в партию, может быть, потому, что на собраниях очень невесело. Взгляды мои, как вы заметили, не особенно создают возможности для радости. Я борюсь с унынием, однако нахожу много оснований для тревог... Но форма должна быть веселой. Тут вспоминается Ницше, который замечательно заметил, что самая правильная и нужная людям мысль, высказанная в угрюмой назидательной форме, вызывает отвращение и не достигает цели. Это обязательно надо помнить.

– Какой период вашей жизни вы считаете лучшим?

– Последние десять лет были периодом свободы и возможности ее наиболее продуктивно использовать. Раньше у меня то свободы не хватало, то я не знал, как ее использовать. В последнее десятилетие такое совпадение случилось. Но десятилетие закончилось, наступил новый век, как будет развиваться жизнь, не знаю...



В спектакле «Тема с вариациями» (Театр имени Моссовета).
Фото РИА «Новости»